

Для цитирования: Кирчанов М. В.
Иранская монархическая эмиграция
как критик политического режима
Исламской Республики Иран //
Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 37—46.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46.

УДК 323.1(55) + 317.7

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46

ИРАНСКАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК КРИТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
доцент кафедры истории зарубежных стран и
востоковедения
доктор исторических наук.
Воронеж, Россия.
E-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор анализирует особенности идеологического противостояния и конфликта между иранскими эмигрантскими сообществами и политическими элитами Исламской Республики Иран. Позиция иранской эмиграции анализируется в контекстах активности представителей династии Пехлеви.

Цель. Целью статьи является анализ идеологического противостояния двух проектов иранской политической идентичности в контекстах критики клерикального режима Ирана представителями иранской политической эмиграции из династии Пехлеви.

Методы. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса идеологического противостояния между элитами ИРИ и их критиками из иранской политической монархической эмиграции.

Научная новизна. Представлена интерпретация идеологического противостояния между клерикальным политическим режимом Ирана и его критиками из сообществ монархической эмиграции как состояния дистанционного или отложенного конфликта; идеологическая полемика анализируется не как конфликт общества и власти, а двух версий политической власти; показано, режим ИРИ реально контролирует политический дискурс в стране, а его монархические оппоненты в изгнании приписывают себе символическую легитимность и преемственность с традицией иранской государственности.

Результаты. Проанализированы основные направления и особенности критики современного режима Исламской Республики Иран иранскими политическими эмигрантами монархической ориентации; показаны особенности их политической идеологии; представлен прогноз развития политической активности иранской эмиграции.

Выводы. 1) Монархическая иранская эмиграция является одним из центров притяжения для эмигрантов из Ирана в Западной Европе и в Северной Америке; 2) идеологи и теоретики монархической эмиграции являются последовательными критиками того политического режима, который установлен в Иране в 1979 году; 3) центральное место в идеологии иранской эмиграции занимает критика клерикального, антисветского и недемократического режима Тегерана, его обвинения в нарушении прав и свобод человека; 4) политическим идеалом эмиграции является светский и демократический Иран, где уважаются права и свободы, а религиозные меньшинства обладают равными правами с шиитским иранским большинством.

Ключевые слова:

иранская эмиграция,
династия Пехлеви,
критика клерикализма,
конфликт элит,
символическая легитимность,
дистанционный (отложенный) конфликт элит,
Конституционная партия Ирана —
Либеральные демократы (Hezb-e mašrute Irān —
liberāl demokrāt)

В 1979 г. в Иране в результате Исламской Революции, ставшей следствием глубокого политического кризиса и попыток радикальной модернизации [10], от власти был отстранен шах Мухаммед Реза Пехлеви — второй представитель династии, правившей Ираном с 1925 г. — который был вынужден бежать из страны [18]. Помимо бывшего главы государства Иран покинули его родственники и сторонники [4], которые сформировали ядро политической эмиграции [19], центры которой сложились в США [7; 11] и Европе [12] Мухаммед Реза Пехлеви скончался в эмиграции в 1980 г. В 1980 г. в Каире (Египет) торжественную присягу в качестве главы дома Пехлеви принял Реза Кир Пехлеви, который, по мнению монархистов, является законным и легитимным правителем Ирана, воспринимаемого ими как Шаханшахское Государство Иран. В свою очередь, легитимность как самой династии Пехлеви до 1979 г., так и политические заявления ее представителей в эмиграции, возможные претензии на власть и оспаривание легитимности режима, существующего в ИРИ после победы Исламской Революции, официальным Тегераном не признаются и отвергаются.

Цель и задачи. Целью представленной статьи является анализ идеологического противостояния двух проектов иранской политической идентичности в контекстах критики клерикального режима Ирана представителями иранской политической эмиграции из династии Пехлеви. Первый проект иранской государственности и связанной с ним проектом иранской идентичности представлен современным политическим режимом Исламской Республики Иран. Этот проект фактически контролирует как политический, так и идеологический дискурс в стране, будучи признанным (за исключением нескольких государств) на международном уровне. Второй проект является альтернативным, распространенным в среде представителей иранской политической эмиграции, будучи ограниченным ее монархическим крылом. Представители династии Пехлеви на международном уровне не воспринимаются в качестве легитимной власти. Таковыми их считают только монархисты. Исходя из этой типологии современного иранского политического проекта, задачами статьи являются: 1) анализ критики политического режима ИРИ в той версии, в которой она представлена в современном монархическом дискурсе; 2) изучение особенностей восприятия ИРИ в категориях авторитарности и архаичности в идеоло-

гии современного иранского монархизма; 3) анализ перспектив развития иранского монархического проекта как формы политической идентичности, влияние которой ограничено определенными группами современной иранской эмиграции.

Методы. С точки зрения методологии гуманитарных исследований, данная статья позиционируется как междисциплинарная. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса идеологического противостояния между элитами ИРИ и их критиками из иранской политической монархической эмиграции. В рамках такой методологической системы координат основные идеи монархистов, центральные положения их концепций могут быть определены как гранд-нарративы или изобретенные традиции — концепты, вокруг которых в монархической среде сложилось их консенсусное восприятие как наиболее верно, глубоко и адекватно описывающих те политические, исторические и культурные реалии, которые привлекают внимание со стороны идеологов иранского монархизма и в большей или меньшей степени формируют уникальный монархический дискурс в современной политической идеологии иранской эмиграции.

Иранская монархическая эмиграция: предварительные ориентации. Современная иранская диаспора в Западной Европе и США принадлежит к числу влиятельных сообществ [1], деятельность которых разнообразна, варьируясь от политической активности [5] до сохранения традиций, языка и культуры [6], формирующих основу иранской идентичности в ее диаспорной версии [17]. В среде иранской эмиграции существует и действует несколько монархических групп. Одной из первых монархических групп в эмиграции стала организация «Azadegan», основателем и лидером которой был генерал Бахрам Арьяна. Конституционная партия Ирана — Либеральные демократы (Hezb-e mašrute Irān — liberāl demokrāt) действует с 1994 г. в США. Монархическая ассамблея Ирана (Anjoman-e pādšāhi-ye Irān) представляет собой одну из монархических групп радикальной направленности. Регулярное появление политических объединений монархистов в эмиграции свидетельствует не только об их значительной активности, но и актуализирует способности иранских сообществ сохранять и воспроизводить идентичность [2; 16]. Центральной

фигурой, вокруг которой консолидируется большинство монархистов, является Реза Кир Пехлеви [8], который с 1984 г. проживает в США, где ведет политическую деятельность преимущественно среди иранских эмигрантов. С 2013 по 2017 г. Реза Кир Пехлеви возглавлял Национальную Ассамблею Ирана — координационный орган иранских политических эмигрантов. Кроме этого Реза Кир Пехлеви координирует деятельность эмигрантов в сфере подачи исков в международные суды с целью привлечь внимание международного сообщества к проблемам нарушения прав человека в Иране. В целом деятельность этих групп ограничена критикой современного иранского режима, идеологическое и политическое наполнение которой осуществляется интеллектуалами и политическими активистами монархической ориентации, основные положения которой будут проанализированы в последующих разделах статьи.

Основные положения монархического дискурса в иранской эмиграции. Конституционная партия Ирана — Либеральные демократы воспринимает современный политический режим ИРИ крайне негативно. По мнению представителей монархической эмиграции, партия была создана для «освобождения родины от религиозного фашизма, для установления национальной, народной и прогрессивной системы либеральной демократии», под которой монархистами понимается режим, воспроизводящий в Иране как реальное разделение властей и отделение религии от государства, так и защиту прав и свобод человека. Именно таким, т. е. демократическим, по их мнению, должно быть «новое иранское общество»¹ после процессов демократизации. Монархисты в своей критике современного режима настаивают на том, что он не только не является демократическим, но и приписывают ему проведение сегрегационной политики с целью сознательной фрагментации общества, чтобы оно не могло противостоять клерикальному режиму.

Поэтому вместо шиизма, который, как полагают монархисты, фрагментирует общество, разделяя его на фундаменталистов и сторонников секулярной модели, основой консолидации иранской светской государственности должно стать понимание того, что иранцы — это не только шииты или атеисты, но «наследники общей и славной истории и культуры». И история, и культура Ирана, как полагают некоторые монархисты,

на современном этапе развития в большей степени заметна не в официальной идеологии ИРИ, но в принципах, представленных «иранским национализмом, либертарианством, прогрессизмом и социальной справедливостью». Кроме этого предполагается, что в демократическом Иране основными политическими мотивами должны стать «независимость и целостность, национальное единство, верховенство народа и права человека». В этом контексте в современной политической критике исламизма со стороны монархистов заметен континуитет с идеями этнического иранского национализма, который был среди доминирующих факторов до 1979 г., но после революции подвергся маргинализации и вытеснению на периферию политической жизни в ИРИ, описываемой монархистами как «антииранский и антинародный режим»².

В целом, идеологическая программа Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов на современном этапе чрезвычайно гетерогенна, актуализируя ценности национализма, либерализма, умеренного консерватизма и социальной демагогии [15]. Предполагается, что только конституционная монархия является «лучшим и наиболее подходящим режимом и формой правления для Ирана». Национализм, в свою очередь, в политической идеологии современного иранского монархизма определяется как «проявление воли нации сохранять свои права и самобытность, твердо противостоять посягательствам других и защищать национальные интересы» в то время как либерализм редуцируется до намерения «поставить права человека в центр политической мысли»³. И национализм, и либерализм, как полагают сторонники монархизма, могут быть институционализированы в Иране только в результате транзита — перехода к демократии — который предусматривает как политические, так и экономические реформы, нацеленные на последовательное сокращение государственного участия и развитие рыночных институтов, основанных на принципах свободной конкуренции.

Особое место в современном монархическом дискурсе Ирана занимают идеи прав и свобод человека. По мнению монархистов «полное равенство между мужчинами и женщинами» должно стать нормой в новом Иране после проведения демократизации. Что

¹ Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

² Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

³ Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

касается позиции ИРИ в отношении прав женщин, монархисты считают проводимую политику недемократической, указывая на то, что «юридическое и культурное давление на иранских женщин стало настолько продолжительным и тяжелым»¹, что дискриминационные нормы как в одежде, так и в доступе к образованию и государственной службе, а также принудительный брак, полигамия, ограничение общения с детьми, запрет на профессии, которые, по мнению монархистов, формируют основу политики исламистов в отношении женщин, должны быть ликвидированы,

Таким образом, современный иранский монархизм исходит из убежденности в том, что «демократия и права человека взаимосвязаны»², а сами понятия «демократия» и «права человека» отдельно друг от друга не имеют смысла. В целом общая политическая программа современного иранского монархизма имеет синтетический характер, актуализируя ценности и идеи, заимствованные из национализма и либерализма, позиционируя конституционную монархию, с одной стороны, и рыночную экономику, с другой, как основы идеальной политической модели развития Ирана в случае демократизации.

Исламская Республика Иран как универсальный Другой в политической идеологии монархизма. Значительное место в политической программе иранского национализма занимает критика политики Тегерана на современном этапе. Исламская Республика Иран критикуется в контекстах проводимой ей внутренней и внешней политики. В целом, политический режим ИРИ описывается в политическом языке эмиграции как авторитарный, клерикальный и недемократический.

Монархисты настаивают на том, что приверженность «деконструктивного политического режима»³ ценностям ислама привела к

¹ Hoquq-e zanān-o kudakān. Peyvast be maṣṣur-e hezb-e maṣṣrute Irān. Mosavvabe ye kongereye sevvom-e , 21-o 22 novāmbre 1379 (Права женщин и детей. Приложение к Хартии Конституционной партии Ирана : постановление Третьего съезда от 21 и 22 ноября 2000 г.). URL: <https://iranpci.net/586>.

² Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be maṣṣur-e hezb-e maṣṣrute Irān. Mosavvabe ye kongereye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

³ Poštibāni az harekat-e e'terāzi-ye mardom-e Esfahān-o Cāhārmahāl-o Vaxtiyāri (Поддержка протестного движения жителей Исфахана, Чахармахала и Бахтиари). URL: <https://iranpci.net/2576/2576>.

последовательному отказу от защиты национальных интересов, что превратило Иран в «разрушительное» государство, которое, по мнению сторонников монархической эмиграции, не в состоянии развиваться, так как его элиты проводят неправильную политику — от функционирования политических институтов и неправильной экономической стратегии до неспособности распределять земельные и водные ресурсы на региональном уровне⁴. Если в вину ИРИ в политической сфере ставят авторитаризм, то в экономической политике — неспособность развиваться и сознательное удержание жителей в состоянии бедности для их более удобного контроля и политического манипулирования ими⁵.

По мнению идеологов монархизма, «Исламская Республика является позором всей истории Ирана, храня молчание о потере Ираном прав на Каспийское море, утрате иранского влияния в Ливане, Ираке, Сирии и Йемене, враждя с израильским правительством»⁶. В обсуждении современной внешней политики особое внимание уделяется критике внешней политики Ирана в контекстах его сближения с Китаем. Иранские монархисты настаивают на том, что ИРИ и КНР представляют собой авторитарные и недемократические режимы. Особой критике со стороны монархистов подвергается идея заключения 25-летнего Соглашения между двумя странами, которое определяется как «предательское» и «позорное». Сама идея сближения для монархистов кажется не только опасной, но и противоестественной, вытекающей исключительно из «предательской политики» исламистов, которые, по мнению монархистов, поступились национальными интересами Ирана. Критикуя сближение ИРИ и КНР, монархисты указывают на непоследовательность внешней политики исламистов, которые «не помогают палестинским мусульманам, в бреду назначая день и время уничтожения израильского государства, не понимая, что миллионы мусульман в Китае приговорены к постепенной смерти в трудовых лагерях и репрессивное пекинское правительство относилось к уйгурскому народу

⁴ Sarkub-e mardom-e Esfahān-o Šahrekord rā mahkum mi (Мы осуждаем репрессии против жителей Исфахана и Шахрекорда). URL: <https://iranpci.net/2599/2599>.

⁵ Xāst-e behaqq-e farhangiyān (Право деятелей культуры). URL: <https://iranpci.net/2613>.

⁶ Dar mahkumiyat-e qarārdād 25 sāle bā Cin-o e'lām-e adam-e pazireš-e ān az suy-ye mellat-e bozorg-e Irān (Осуждение 25-летнего соглашения с Китаем и заявление о его неприятии великой нацией Ирана). URL: <https://iranpci.net/2714>.

так же, как нацистский режим относился к евреям Европы»¹.

Таким образом, в политической доктрине современного иранского монархизма формируется негативный образ Китая как универсального Другого. Примечательно и то, что конструируя образы инаковости КНР, иранские монархисты одновременно актуализируют ее политическую и идеологическую чуждость, апеллируя, вместе с тем, и к чувствам солидарности мусульман, что для современного иранского монархизма характерно в значительно меньшей степени, принимая во внимание их последовательную критику клерикального режима ИРИ.

Политический транзит как основа демократизации в программе иранских монархистов. В современной доктрине иранского эмиграционного монархизма особое внимание уделяется процессам демократического транзита. Монархистами предполагается, что «основы будущей демократической политической системы Ирана должны быть заложены уже на следующий день после свержения режима Исламской Республики»², основываясь на равноправии граждан Ирана и отсутствии политической, гендерной и религиозной дискриминации³. Монархисты настаивают, что ни проведение реформ самими исламистами, ни внесение поправок в Конституцию ИРИ не могут восприниматься как форма демократизации.

В этой ситуации примечательно и то, что монархисты в механизме демократизации не прописывают процедуру люстрации, полагая, что к участию в демократических электоральных процедурах и к занятию должностей могут быть допущены и бывшие сторонники Исламской Республики. Согласно точки зрения монархистов, механизм демократических реформ должен обязательно предусматривать международное присут-

ствие под эгидой ООН. Монархисты считают необходимым проведение референдума о политическом устройстве будущего демократического Ирана. При этом монархисты не настаивают, что новый Иран должен обязательно стать Конституционной монархией. Что касается Конституции, то предполагается, что она также должна была быть принята в результате работы Учредительного собрания. Процесс демократизации, по мнению монархистов, предусматривает предварительное урегулирование вопросов, связанных с правами человека, их соблюдением, определением полномочий правительства и судебной власти⁴.

В рамках транзита от авторитаризма к демократии монархисты планируют использовать исторический и политический опыт европейских государств, которые этот процесс пережили в 1980—1990-е гг. В частности, особо важным признается опыт Испании, которая перешла к демократии под эгидой монархии. Вероятно, именно под испанским влиянием в иранском монархическом дискурсе возникла идея, что «Иран останется единым, и иранский народ будет жить по одному закону, но Иран не будет управляться из единого центра»⁵. Монархисты полагают, что Иран может использовать испанский опыт региональных реформ без формальной федерализации. Именно поэтому монархисты подчеркивают, что этнические группы в демократическом Иране должны быть подвергнуты децентрализации — «разделению полномочий между центральным правительством и местными органами власти, что необходимо для большей эффективности демократии», что позволит сохранить «национальное единство в свободном и гармоничном обществе с демократической и децентрализованной системой для обеспечения лучшего уровня жизни для всех иранцев при использовании огромного экономического и культурного потенциала»⁶.

⁴ Farāyand-e ta'yin-e nezām-e siyāsi-ye āyandeye Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongereye ranjom-e (Процесс определения будущей политической системы Ирана. Прилагается к Уставу Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/618>.

⁵ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongere-ye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

⁶ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān.

¹ Dar mahkumiyat-e qarārdād 25 sāle bā Cin-o e'lām-e adam-e pazireš-e ān az suy-ye mellat-e bozorg-e Irān (Осуждение 25-летнего соглашения с Китаем и заявление о его неприятии великой нацией Ирана). URL: <https://iranpci.net/2714>.

² Farāyand-e ta'yin-e nezām-e siyāsi-ye āyandeye Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongereye ranjom-e (Процесс определения будущей политической системы Ирана. Прилагается к Уставу Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/618>.

³ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongere-ye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

В целом, процесс перехода от авторитаризма к демократии в политической программе иранского современного монархизма сложился под явным влиянием западной транзитологии, предусматривая как проведение выборов и референдумов, так и полную замену органов государственной власти при условии проведения региональной реформы, в основе которой планируется положить модель децентрализации, ранее реализованную в Испании.

Национализм в политической идеологии иранского монархизма. Современный иранский монархизм основан на развитии идей национализма. Известно, что после Исламской революции в Иране два политических принципа — национализм [20] и конституционализм [13] — наиболее последовательно подвергались критике, что привело к их демонизации в историографии, где национализм и конституционализм стали проявлениями неправомерности модернизационной политики Каджаров [3] и Пехлеви [9]. Современные монархисты в эмиграции воспринимают два эти принципа иначе, полагая, что именно «конституционализм и национализм переплетаются с дискурсом современности в Иране, потому что национализм может быть реализован только в либеральной демократии»¹.

Иранские монархисты склонны воспринимать национализм с точки зрения практикующих политиков, абсолютизируя его универсальность и подчеркивая то, что именно он «выражает связь нации со страной, историей, культурой и отражает волю нации к сохранению независимости и целостности страны, историко-культурной памяти и защите национального суверенитета». В аналогичных категориях монархисты воспринимают иранцев как нацию, полагая, что нация в политическом плане, с одной стороны, и в культурном измерении, с другой, означает «существование людей в общем географическом, историческом и культурном контексте, которые связаны с правовой составляющей государства, структуру и содержание которого составляет принцип

Mosavvabe-ye kongere-ye panjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

¹ Nāsiyonālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabeye kongereye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

суверенитета народа, основанного на конституции, вытекающей из всеобщих прав человека». Такое восприятие нации иранскими монархистами двойственно: с одной стороны, нация для них — внеисторическая категория, а, с другой, она может описываться ими как политическая категория, т. е. гражданская нация, включающая «этническое, языковое и религиозное разнообразие»². В этом контексте иранская гражданская нация, по версии монархистов, «состоит из различных этнических групп и религий, которые жили вместе на протяжении тысячелетий и поддерживали Иран как свою национальную территорию»³.

Вместе с тем, восприятие нации в современном иранском монархизме не лишено влияния со стороны современных политических и идеологических трендов, что позволяет монархистам указывать на разнообразие как на системную характеристику иранской политической нации [14]. По мнению монархистов, «разнообразие является источником нашего самосознания, культурной памяти и принадлежности. Его защита требует развития и изучения особенностей иранских национальностей, религий, языков и обычаев на основе политики децентрализации»⁴. Подобный тип современного национализма монархистами определяется как «инклюзивный», что свидетельствует о решимости монархистов трансплантировать модель гражданской нации в иранские политические реалии.

Современные монархисты в своих попытках конструирования нации оперируют одновременно модернистским и примордиалистскими подходами. Если первый проявляется в признании неизбежности нации как политической категории, то второй от-

² Nāsiyonālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

³ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabeye kongereye panjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

⁴ Nāsiyonālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

ражен в попытках интерпретировать нацию как продукт «националистического воображения» и «изобретения традиций»¹. В качестве примера именно подобного подхода к институционализации нации монархистами позиционируется культура как основа идентичности, создаваемая и воспроизводимая именно через «воображение» и «изобретение», что в принципе нормально для интеллектуалов монархической ориентации, если принимать во внимание влияние на них со стороны иранской модернистской историографии национализма, основным методологическим языком которой является модернизм.

Выводы. Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов, которые существенно влияют на развитие монархической идеологии в среде современной иранской политической эмиграции, определяя как ее системные особенности и характеристики, так и формируя потенциальные векторы и траектории ее развития и дальнейших идеологических трансформаций.

Монархическое течение в рамках современной иранской политической эмиграции является одним из организационных и структурных, а также культурных и интеллектуальных сегментов политической эмиграции из Исламской Республики Иран в государствах Европы и Северной Америки. Теоретики и идеологи современного иранского монархизма и политический режим ИРИ находятся в состоянии затяжного конфликта, характер которого может быть определен как «дистанционный» и «отложенный». «Дистанционность» конфликтной ситуации, с одной стороны, проявляется в том, что оппоненты режима вынуждены пребывать за пределами Ирана, фактически будучи лишены возможности въезда на территорию страны, где им угрожает преследование по политическим мотивам.

Известно, что в отношении как династии Пехлеви в период ее пребывания у власти, так в отношении ее отдельных представителей в эмиграции официальные лица Исламской Республики применяют самую жесткую риторику. «Отложенность» конфликта между эмигрантами и Тегераном, с другой стороны, состоит в том, что ни монархическая эмиграция, ни режим не в состоянии избавиться друг от друга — эмигранты, связанные с

династией Пехлеви, умирают, а их дети ассимилируются, интегрируясь в европейские и американские общества, а официальный Тегеран не склонен проводить радикальные реформы.

Поэтому, позиции монархической эмиграции и Тегерана являются несовместимыми и взаимоисключающими, а вопросы о последующем развитии Ирана остаются открытыми, так как правящие иранские элиты рано или поздно будут вынуждены провести реформы. Иранская эмиграция, в том числе и ее монархическое течение, имеет свое видение возможных реформ, основанное на радикальном демонтаже авторитарного клерикального режима и проведении масштабных преобразований, которые предусматривают как демократизацию, восстановление прав и свобод граждан, возобновление возможности легального функционирования политических партий, так и секуляризацию и деклерикализацию, предусматривающую отмену религиозных запретов, ограничений и принудительных предписаний, система которых имплементирована в социальные и культурные пространства современного Ирана.

Именно этот гранд-нарратив реформ занимает центральное место в политической мысли современной иранской монархической эмиграции, став фактически ее изобретенной традицией и основой идеологического дискурса. Особенностью развития современного иранского монархизма является то, что теоретики и идеологи монархии стремятся оперативно реагировать на политические и экономические процессы в ИРИ, выступая в качестве последовательных оппонентов и критиков режима. Основой их программы является именно монархизм, использующий модифицированную идеологию Ирана до 1979 г., что делает монархистов крайне нежелательными в гипотетическом диалоге между элитами ИРИ и эмигрантами. Начало такого взаимодействия представляется маловероятным, так как стороны склонны формировать взаимные представления друг о друге в рамках демонизации своих политических оппонентов. Именно поэтому не представляется возможным исключать дальнейшее углубление конфликта между политическим режимом ИРИ и иранской эмиграцией, в том числе — и ее монархическими группами.

Принимая во внимание последовательную позицию официального Тегерана, которая, начиная с 1979 г., основана на решительном отрицании наследия Пехлеви и неприятию проявлений политической, культурной и идеологической оппозиции

¹ Nāsiyōnālism. Sanad-e peyvast be maṣṣūr-e hezbe maṣṣrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

иранских интеллектуалов, в том числе эмигрантов, ситуация конфликта, вероятно, будет углубляться, что приведет к дальнейшей радикализации позиций сторон в направлении последовательного неприятия друг друга, что найдет свое отражение как в конструировании негативного образа ИРИ, так и в последовательном продвижении альтернативных клерикализму идей монархической эмиграции.

Статья поступила в редакцию 05.02.2022

1. Aidani M. Welcoming the Stranger: Narratives of Identity and Belonging in an Iranian Diaspora. Urbana — Champaign : Common Ground Publishing, 2010. 102 p.
2. Aslinia Sh. Iranian Immigrants in the United States: History, Migration Trends, Language, and Cultural Maintenance among Second Generation Iranian Immigrants. Saarbrücken : VDM Verlag, 2008. 64 p.
3. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic / ed. M. Litvak. London ; New York : Routledge, 2017. 300 p.
4. Cooper A. The Fall of Heaven: The Pahlavis and the Final Days of Imperial Iran. London ; New York : Picador, 2018. 624 p.
5. Gholami R. Secularism and Identity: Non-Islamiosity in the Iranian Diaspora. London ; New York : Routledge, 2016. 243 p.
6. Iranian Diaspora Identities / eds. Z. Shirazi, K. Afary. New York : Hamilton Books, 2020. 206 p.
7. Maghbouleh N. The Limits of Whiteness: Iranian Americans and the Everyday Politics of Race. Stanford : Stanford University Press, 2017. 248 p.
8. Malar Ch., Rodier A. Reza Pahlavi: Le fils du Shah, de l'exil à la reconquête. Paris : Plon, 1986. 268 p.
9. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 — 1940. Seattle : University of Washington Press, 2008. 200 p.
10. Mirsepassi A. Iran's Quiet Revolution: The Downfall of the Pahlavi State. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 247 p.
11. Mobasher M. Iranians in Texas: Migration, Politics, and Ethnic Identity. Austin : University of Texas Press, 2012. 211 p.
12. Moghaddari S. Internal Diversity: Iranian Germans Between Local Boundaries and Transnational Capital. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2020. 264 p.
13. Rethinking Iranian Nationalism and Modernity / eds. K.S. Aghaie, A. Marashi. Austin : University of Texas Press, 2014. 374 p.
14. Sharifi M. Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham : Lexington Books, 2013. 375 p.
15. Siavoshi S. Liberal Nationalism In Iran: The Failure Of A Movement. London ; New York : Routledge, 2019. 224 p.
16. Spellman K. Religion and Nation: Iranian Local and Transnational Networks in Britain. London ; New York : Berghahn Books, 2004. 248 p.

17. Sullivan Z. Exiled Memories: Stories of Iranian Diaspora. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 289 p.
18. Takeyh R. The Last Shah: America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty. Yale : Yale University Press, 2021. 336 p.
19. The Iranian Diaspora: Challenges, Negotiations, and Transformations / ed. M. Mobasher. Austin : University of Texas Press, 2018. 284 p.
20. Zia-Ebrahimi R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. New York : Columbia University Press, 2018. 312 p.

References

1. Aidani M. (2010). Welcoming the Stranger: Narratives of Identity and Belonging in an Iranian Diaspora. Urbana — Champaign, Common Ground Publishing, 102 p. [in Eng].
2. Aslinia Sh. (2008). Iranian Immigrants in the United States: History, Migration Trends, Language, and Cultural Maintenance among Second Generation Iranian Immigrants. Saarbrücken, VDM Verlag, 64 p. [in Eng].
3. Litvak M. (2017). ed. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic / ed. London, New York, Routledge, 300 p. [in Eng].
4. Cooper A. (2018). The Fall of Heaven: The Pahlavis and the Final Days of Imperial Iran. London, New York, Picador, 624 p. [in Eng].
5. Gholami R. (2016). Secularism and Identity: Non-Islamiosity in the Iranian Diaspora. London, New York, Routledge, 243 p. [in Eng].
6. Shirazi Z., Afary K. (2020). eds., Iranian Diaspora Identities. New York, Hamilton Books, 206 p. [in Eng].
7. Maghbouleh N. (2017). The Limits of Whiteness: Iranian Americans and the Everyday Politics of Race. Stanford, Stanford University Press, 248 p. [in Eng].
8. Malar Ch., Rodier A. (1986). Reza Pahlavi: Le fils du Shah, de l'exil à la reconquête. Paris, Plon, 268 p. [in Eng].
9. Marashi A. (2008). Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 — 1940. Seattle, University of Washington Press, 200 p. [in Eng].
10. Mirsepassi A. (2019). Iran's Quiet Revolution: The Downfall of the Pahlavi State. Cambridge, Cambridge University Press, 247 p. [in Eng].
11. Mobasher M. (2012). Iranians in Texas: Migration, Politics, and Ethnic Identity. Austin, University of Texas Press, 211 p. [in Eng].
12. Moghaddari S. (2020). Internal Diversity: Iranian Germans Between Local Boundaries and Transnational Capital. London, New York, Palgrave Macmillan, 264 p. [in Eng].
13. Aghaie K.S., Marashi A. (2014). eds., Rethinking Iranian Nationalism and Modernity. Austin: University of Texas Press, 374 p. [in Eng].
14. Sharifi M. (2013). Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham, Lexington Books, 375 p. [in Eng].
15. Siavoshi S. (2019). Liberal Nationalism In Iran: The Failure Of A Movement. London, New York, Routledge, 224 p. [in Eng].
16. Spellman K. (2004). Religion and Nation: Iranian Local and Transnational Networks in Brit-

ain. London, New York, Berghahn Books, 248 p. [in Eng].

17. Sullivan Z. (2001). *Exiled Memories: Stories of Iranian Diaspora*. Philadelphia, Temple University Press, 289 p. [in Eng].

18. Takeyh R. (2021). *The Last Shah: America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty*. Yale, Yale University Press, 336 p. [in Eng].

19. Mobasher M. (2018). ed., *The Iranian Diaspora: Challenges, Negotiations, and Transformations*. Austin, University of Texas Press, 284 p. [in Eng].

20. Zia-Ebrahimi R. (2018). *The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation*. New York, Columbia University Press, 312 p. [in Eng].

For citing: Kyrchanoff M.V. Iranian monarchic emigration as a critic of the political regime of the Islamic republic of Iran // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 37—46. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46.

UDC 323.1(55) + 317.7

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46

IRANIAN MONARCHIC EMIGRATION AS A CRITIC OF THE POLITICAL REGIME OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Maksym V. Kyrchanoff

Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department
of Regional Studies
and Foreign Countries Economies,
Associate Professor of the Department
of History of Foreign Countries and Oriental Studies
Doctor of History. Voronezh, Russia.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author analyzes the features of the ideological confrontation and conflict between Iranian emigrant communities and the political elites of the Islamic Republic of Iran. The position of Iranian emigration is analyzed in the context of the activity of the Pahlavi dynasty representatives.

The purpose of the article is to analyze the ideological confrontation between the two projects of Iranian political identities in contexts of criticism of the clerical regime of Iran by representatives of the Iranian political emigration of Pahlavi dynasty.

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of analyzing intellectual communities with the elements of the universal method of historicism and a comparative approach, which make it possible to identify and systematize the main features of the process of ideological confrontation between the Iranian elites and their critics from the Iranian political monarchist emigration.

Scientific novelty of the study. On the one hand, the article analyzes the ideological confrontation between the clerical political regime of Iran and its critics from the communities of monarchic emigration as a state of remote or delayed conflict. On the other hand, the author analyzes this ideological controversy as a conflict not between society and power, but between two versions of political power: if the Iranian regime controls the political discourse in the country in fact, then its monarchist opponents in exile attribute to it symbolic legitimacy and continuity with the tradition of Iranian statehood.

Results. The main directions and features of criticism of the regime of the Islamic Republic of Iran by Iranian political emigrants of a monarchist orientation are analyzed; features of political ideology are shown; the forecast of the development of the political activity of the Iranian emigration is presented.

Conclusions. The author believes that 1) the monarchical Iranian emigration is one of the centers of attraction for emigrants from Iran in Western Europe and North America; 2) the ideologists and theorists of the monarchical emigration are consistent critics of the political regime established in Iran in 1979; 3) criticism of the clerical, anti-secular and undemocratic regime of Tehran, its accusations of violating human rights and freedoms in the centre of the political doctrine of the Iranian emigration; 4) the political ideal of emigration is a secular and democratic Iran, where rights and freedoms are respected, and religious minorities have equal rights with the Shiite Iranian majority.

Keywords:

Iranian emigration,
Pahlavi dynasty,
criticism of clericalism,
elite conflict,
symbolic legitimacy,
remote (delayed) elite conflict,
Iranian Constitution Party - Liberal Democrats
(Hezb-e mašrute Irān - liberāl demokrāt)